

СОЦИОЛОГ В ОБЩЕСТВЕ

Виталий Григорьев
 ассистент кафедры прикладной и отраслевой социологии
 факультета социологии СПбГУ

Общество — это мир принудительных идей

В словарях и учебниках можно найти, что социология — это наука о больших человеческих образованиях. В большом образовании люди совершают согласованные действия анонимно. Для краткости будем называть такое образование обществом. Как появилась объект социологического изучения? Однокоренное слово «общение» дает нам гипотезу, что язык может относиться к делу. Однако языком располагают многие животные, даже насекомые. И все-таки поведение всех животных, кроме человека, определяется их непосредственным окружением. Есть такая профессия — зоопсихолог, но зоосоциологов нет и не будет. Чем общение животных отличается от общения людей?

Психолог А.Лурия, обобщая множество экспериментов с животными, говорит:

«Обезьяна, применив палку, никогда не сохраняет ее, она ее выбрасывает. Даже составив палку, она никогда не хранит ее как орудие, которое в дальнейшем может быть использовано. Значит, орудие применяется обезьяной только в непосредственной наглядной ситуации. Если поведение обезьяны в этой непосредственной наглядной ситуации оказывается близким к интеллектуальному поведению человека, то оно резко отличается от него в двух отношениях; обезьяне гораздо труднее комбинировать орудия в одно целое и обезьяне совершенно недоступно создание орудий впрок и хранение орудий, как постоянных средств для того, чтобы осуществлять те или иные действия. Таким образом можно сказать, что у обезьяны, у которой есть интеллектуальное поведение в наглядной ситуации, но нет интеллектуального поведения, близкого к человеческому, в том отношении, что она никогда не имеет дело с орудиями, в которых известный способ решения задачи и который сохраняется для известного употребления. Орудие возникает у обезьяны в процессе ее непосредственного действия и сразу же исчезает»¹.

Итак, животные способны общаться и мыслить только о непосредственно данной ситуации и неспособны к проективному мышлению. Значит, объединиться могут только те особи, которые непосредственно участвуют в жизненной ситуации.

Решающим шагом к возникновению общества стало появление проективного мышления. Эта разновидность мышления позволяет человеку изготавливать и сохранять орудия до того, как возникает ситуация, когда их можно использовать. Использование только проектируется в мозгу. Это позволяет создавать сложные изделия. Человек способен делать части к еще несуществующему агрегату. Проективное мышление основано на сочетании конкретного, непосредственно данного и абстрактного мышления. Абстрактное мышление отличает разумных животных от животных неразумных.

Следующим шагом общественного развития становится сохранение не только орудий, но и проектов. Ментальные проекты реифицируются, говоря по-русски, овеществляются. Люди не только придумывают возможные ситуации, но и учатся делиться фантазиями. Появляется рисунок, поэзия, наконец, письменность. Эти изобретения позволяют фиксировать результаты абстрактного мышления. После того как результаты работы воображения становятся овеществленными и начинают передаваться более-менее в неизменном виде от одной группы людей к другой, появление общества становится неизбежным.

Появляется мир идей. Они рождаются, распространяются и иногда умирают. Рассказы превращаются в былины и саги. Появляется общественный контроль. Сказать, что рассказ неправильный, может не участник события, а эксперт по былинам. Для такого эксперта былина — это вещь, она существует сама по себе, и рассказать ее по-другому, значит испортить. Появляются привычки мыслить по шаблону. Когда что-то входит в привычку, оно выходит из-под контроля. Возникает культура — привычка общества. Идеи становятся способными пережить отдельного человека и группы. С развитием копируемых возможностей они становятся практически вечными. По отношению к людям, говоря словами Дюркгейма, идеи получают принудительную силу, превращаются в социальную реальность.

Шаблонные идеи в сочетании с социальным контролем называются институтами. Их совокупность становится обществом. Институт предписывает определенные правила поведения людям и подкрепляет поведение по правилам. Подобные стандарты называют ролями, когда они относятся к индивидам. Поэтому институт можно рассматривать как систему ролей.

Как только ситуация становится такой, что люди приходят и уходят, а институты остаются, можно сказать, общество готово. Оно более реально, чем эфемерные человеки. Мы ничего не знаем про людей, которые будут жить в России через 100 лет, но наверняка будет государство, образование, спорт и т.п. Мы более уверены в ролях, чем в их исполнителях. Это означает, что понять общество можно ничего не зная о людях, которые его образуют. Людей можно заменить, общество останется тем же. Значит появляется возможность социологии.

Как действует общество

Итак, общество существует, поскольку способно навязывать себя людям. Посмотрим, как это выглядит с точки зрения исследователя.

Инцест — это про обмен женщинами, а не про секс

Семьи в разных обществах устроены по-разному. Где-то существуют теплые отношения между отцами и сыновьями, а где-то отчужденные. По-разному складываются отношения с родственниками за пределами биологической семьи. Складывалось впечатление, что закономерностей в этой сфере жизни нет и у каждого народа свои обычаи. Антрополог К.Леви-Стросс добавил к семейным схемам родственника со стороны матери (дядю), и структура родства приняла простую и предсказуемую форму². Некоторые структуры встречаются часто, другие редко, третьи не наблюдаются вовсе. Причину такой ситуации Леви-Стросс объяснил тем, что элементарным по отношению к биологической семье являются отношения родства, основанные на строгих правилах обмена женщинами.

Ситуация в семьях, таким образом, оказывается производной от обстоятельств, которые люди даже не осознают. Как происходят такие вещи? Важнейшим универсальным правилом общества является запрет инцеста. Само это правило свойственно любой культуре, но понять его не так-то просто. Ссылки на опасность близкородственного скрещивания не проходят, поскольку инцест возник задолго до появления генетики и даже правдоподобных представлений о появлении детей. Объяснение, что сексуальные отношения между кровными родственниками создают особую эмоциональную напряженность, по сравнению с прочими сексуальными от-

1 Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. Лекция 5. // http://www.psychology.ru/Library/Alexander_Luria/Lectures/05.stm

2 Картина есть в сети: http://yanko.lib.ru/books/cultur/stross_struktur_antrop.htm#_Toc76573465

ношениями выглядят вовсе неубедительно. Леви-Стросс указал, что запрет инцеста — это не запрет на секс с матерью, отцом, сыном, сестрой и т.п. Это обязательство отдать своих женщин чужим мужчинам. Именно такое обязательство превращает обезьяноподобную семью в племя, способное объединить людей за пределами маленькой группы кровных родственников. Устойчивая система обмена женщинами, опирающаяся на строгие социальные правила позволяла объединить биологические семьи в крупные социальные общности. Такие общности могли извлекать преимущества из своего размера и вытеснять группы без подобных социальных изобретений. Такая социальная инновация получает повсеместное распространение, хотя она не опирается ни на какой закон природы, и в дописьменном обществе, буквально существует только в головах людей:

Однако социальный характер родству придает не то, что оно должно сохранить от природы, а то основное, благодаря чему родство отделяется от природы. Система родства состоит не из объективных родственных или кровнородственных связей между индивидами; она существует только в сознании людей, это произвольная система представлений, а не спонтанное развитие фактического положения дел. Это, разумеется, не означает, что она должна противоречить подобному фактическому положению или что его можно просто игнорировать³.

Семья и брак

В нашем обществе система родства не довлеет над людьми. Дядя со стороны матери, даже если он существует, не особо важная персона для племянника. Но семьи зачем-то существуют.

Явный смысл брака можно узнать у тех, кто в него вступает. Вам, скорее всего, скажут: «мы хотим быть вместе», «нужно чтобы у детей были родители», «свадьба — это очень красиво». На голубом глазу, они действительно так думают. Интересно, молодожены догадываются, что можно быть вместе, не вступая в брак? Что стать родителем можно без штампа в паспорте? Что красивые вещи, одежду, цветы, можно покупать не только на свадьбу? Это риторические вопросы. Они говорят абсурдные вещи потому, что смысл брака от них скрыт. Если указать брачующимся на эти обстоятельства, то скорее всего они сошлутся на ситуацию: «это нужно родителям», «так хотела жена (муж)», «нам это вообще не надо» и т.п.

Чтобы понять смысл брака, используем методы семиотики. Она учит, что скрытые смыслы проявляются в виде метафор, метонимий, символов и т.п. То есть в тех ситуациях, когда употребляется неупотребимое, используется бесполезное. Действительно, почему я должен говорить «моя вторая половина», если есть слово «жена»? Причина должна быть, даже если я ее не знаю.

Обратим внимание на знаки. Символом брака является, например, обручальное кольцо. К знаковым вещам относится наряд невесты, ленты свидетелей, разбрасывание монет и т.д. Семиотика учит, что эти вещи не невинны. Зачем человек носит кольцо? Чтобы он помнил, что состоит в браке? Это не серьезно. Тогда получается, что мы носим фотографии жен и мужей, чтобы узнать их при встрече. Человек не нуждается в железке, чтобы помнить о своем браке.

Намек мне дал один французский фильм. Герой на правке видит красивую женщину и незаметно для нее снимает и прячет кольцо. Все понимают, что это сделано, чтобы дать девушке ложную информацию о семейном положении. Если бы кольцо осталось на пальце, его шансы на флирт или секс стали бы меньше. Кольцо — это не для него, это информация для окружающих: «этот мужчина занят».

Если теперь посмотреть на свадьбу как на знаковое событие не для молодоженов, а для тех, кто на ней гуляет, многое станет понятно. На молодоженах такая необычная одежда, потому что все должны видеть, кто именно вступает в брак.

Гости веселятся больше новобрачных, потому что мероприятие нужно им, а не новобрачным. Съехались все родственники, потому что свадьба — это способ оповестить все племя, что эти двое изменили статус. Они теперь — табу. Больше никто не может заниматься с ними сексом.

И зачем все это нужно? Ответ известен этологам. Горе человечества от ума. Большая голова и прямохождение мешают рожать. Приходится производить на свет малопригодных к жизни младенцев, которые взрослеют крайне медленно. Выживание потомства и матерей становится возможным, только если мужчины будут делиться пищей с женщинами и их детьми. Но у человека и всех человекообразных программа заботы о потомстве у самцов крайне слаба или отсутствует. Выход — использование другой программы. Подошла программа заботы о самке в период спаривания. Только ее надо было продлить на несколько лет, по крайней мере. Для этого природа избавила женщин от эструса, точнее от его признаков. Женщины способны заниматься половыми сношениями независимо от способности к зачатию даже во время беременности. Это специфическое свойство человека. Однако, женщин вокруг много. Чтобы мужчина не убежал к другой, понадобилось закрыть доступ ко всем прочим. Это и делает институт брака. Брак — это не разрешение на половую жизнь с любимой женщиной, это запрет на половую жизнь со всеми женщинами, кроме одной. Супружеская неверность — социальная проблема, уклонение от супружеского долга — ваше личное дело.

Брак вам ничего не дает, он только отнимает, но обставлено так, что вы сами этого захотите. Социолог П.Бергер:

Нашей паре предстоит пройти заранее предустановленный путь (как сказал бы юрист, «с допустимой скоростью»): от субботних походов в кино до воскресных посещений церкви и традиционных семейных обедов; от прогулок, взявшись за руки, до робких попыток сделать то, что вначале было решено оставить на потом; от планов на вечер к планированию обустройства загородного дома, — во всех этих переходах сцена под луной занимает свое особое место. Ни один из них не выдумал ни игру в целом, ни ее часть. Они только решили, что будут играть ее вместе, а не с другими возможными партнерами. И нет у них большого выбора в том, что последует за ритуальным обменом вопросами-ответами. Семья, друзья, церковь, ювелиры и страховые агенты, цветочницы и оформители интерьеров обеспечат, чтобы остальная часть игры тоже была сыграна по установленным правилам. В сущности, всем этим хранителям традиций не нужно даже оказывать слишком большого давления на основных игроков, поскольку ожидания социального мира уже давно были встроены в их собственные проекты относительно будущего, — они хотят именно того, чего ждет от них общество⁴.

Армия и дедовщина

Зачем одни солдаты издеваются, избивают и даже убивают других? Я пишу о дедовщине. Особенно это странно, если вспомнить, что они сами прошли через такое. Может быть из чувства справедливости? Эмоции эмоциями, но разумом каждый способен понять, что солдаты первого года службы не могут отвечать за поступки тех, кто служил двумя годами ранее. Здравый смысл объясняет: таков порядок, какое общество, такая и армия и т.д. Это конечно наивность и ложь. «Порядок таков, каков он есть» — вообще не объяснение, а ссылка на общество не соответствует действительности. Можно назвать массу организаций, где срок пребывания не создает иерархий. Более того, подавляющее большинство организаций не имеет таких иерархий. Почему же люди, сроки службы которых в вооруженных силах отличаются на полгода, оказываются на разных ступенях общественного положения?

3 с. 59 «Структурной антропологии». Леви-Стросс. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

4 Бергер П. Социология как способ времяпрепровождения. http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_soc/. С. 40.

Цель армии — заставить человека делать не то, что ему нужно или хочется, а то, что приказывают. Для этого она должна разрушить идентичность человека, лишив его частных особенностей. Считается, что это нужно, чтобы можно было посылать людей на смерть. Социолог Л.Пенто, изучив ситуацию во французской армии, сделал вывод, что в условиях, когда у человека отобрана его профессия, его друзья, его досуг и даже имя и одежда, время остается единственным утешением, поскольку срок демобилизации неумолимо приближается:

Из-за невозможности что-нибудь сделать с текущим временем, реализуя какой-нибудь проект, самые обездоленные из них не находят другого выхода, кроме как заставить других признать ценность времени проведенного в армии как такового: если время идет, и с течением времени ты по-прежнему остаешься ничем, можно утешить себя, полагая что это время не прошло напрасно. [...] Несомненно, что такая вера в позитивную ценность времени возможна лишь в том случае, когда она носит коллективный и более или менее институционализированный характер. [...] Дедовщина является собой негласное прославление института армии: время, проведенное на службе, является не таким уж бессмысленным, так как позволяет в итоге дифференцировать военнослужащих, противопоставляя «салага» и мальчишек «старикам» и мужчинам. Дедовщина — это доказательство того, что нечто произошло за время службы, которое часто называют потерей времени: достаточно его пережить, чтобы приобрести это неопределимое качество⁵.

Лишив человека всех собственных ресурсов, общество получает преданных исполнителей. Люди начинают искать смысл личного существования в общественных задачах.

Эти три примера демонстрируют взаимодействие общества и людей. Чему они учат нас? Во всех случаях, чтобы решить свои задачи, общество ставит определенные барьеры. Запрещая использовать собственных женщин, общество преодолевает ограничения по размеру, вынуждая людей объединяться в крупные сети, основанные на обмене женщинами. Изолируя состоящих в браке от сексуальных альтернатив, общество стабилизирует семьи. А семьи являются единственным эффективным институтом социализации. Этот институт производит людей готовых позитивно воспринять существующий социальный порядок. Наконец, лишая людей идентичности, общество создает личности готовые воспринять любые социальные установки, даже самые дикие и невыгодные.

Любой социальный институт чтобы выжить должен подменить собственные цели человека общественными. Иногда эта коррекция оказывается сравнительно мягкой, а иногда весьма грубой. В наших примерах: вы можете удовлетворить ваши потребности, но только если установите хорошие отношения с соседями, вы можете удовлетворить ваши потребности, но только если воспитаете детей, и, наконец, вы можете удовлетворить ваши потребности, но только если примете наши потребности за ваши.

Ни в одном из рассмотренных примеров социальные институты ничего не дают человеку. Они его ограничивают. И это понятно. Если какое-то событие является рациональным с точки зрения индивида, он будет совершать его даже без предварительной социализации.

Почему люди не отказываются от выполнения ролей? Главным образом потому, что не видят альтернативы. Семья социализирует. Человек не знающий социологии думает, что «социализировать» означает «учить жить в обществе». Да нет же. Это значит: «не замечать альтернативных вариантов». Социализация внушает: «вам здесь не рады», «следует упорно трудиться за маленький кусок хлеба». Хорошо социализированный человек живет в урезанном мире, где можно делать только то, что предписано или то, что не опасно для общества.

5 Луи Пенто. Личный опыт и научное требование объективности. // Начала практической социологии. СПб: Алетейя, 2001. СС. 73, 74.

Для тех, кто огляделся, есть еще санкции. Чтобы институт действовал, не обязательно чтобы каждый индивид в него верил. Достаточно, чтобы верующие могли контролировать сомневающихся. Неинституциональное поведение может быть объявлено аморальным или незаконным. Выше мы описали институт как систему ролей или социально контролируемые идеи. Теперь можно сказать более точно: институт — система ограничений, основанных на общей вере в их действительность.

П.Бергер сказал, что общество покрыто пленкой лжи. Я бы уточнил, что эта пленка и есть общество. Все врут, но это ничего не меняет — никто никого не слышит. Собственно большинство наших действий ничего не меняет. Потому что действия берутся из выбранного не нами репертуара. Все разрушительное для общества и освобождающее человека — аморально. Общество защищается еще и тем, что не дает оглядеться по сторонам.

Мы можем вспомнить и много хорошего. Общество дает нам положение, уверенность в завтрашнем дне, деньги, в конце концов. Я не призываю никого не обращать на это внимание, я только хочу отметить неуместность чувства благодарности. Институты в принципе не интересуются вашими деньгами или вашей репутацией. Они не пытаются забрать у вас своё, они забирают ваше — время работы ваших мозгов. Это их способ воспроизведения. Деньги и статусы — это только для людей.

Если вы отдадите все мозговое время на решение проблем, которые вам подкинули социальные институты, можете считать, что вас больше нет. И какая разница, какой статус у того тела, что раньше было вами. Вот еще одно метафорическое определение института: социальные институты — это паразиты, живущие в сознании. Социальные программы, замаскированные под личные. Это роднит их с компьютерными троянскими программами. Полезное, на первый взгляд, письмо или программа начинает делать то, что нужно ему, а не вам. Обществу не нужно быть осознанным, чтобы существовать.

Особенность социологии как науки

Каждый человек, так или иначе, заражен социальными идеями и находится в ситуации социального контроля. Социолог — это человек, со всеми вытекающими последствиями. Есть два рода наук: естественные и социальные. В науках первого рода ученые работают со спокойными объектами: атомами, молекулами, растениями и т.д. В социальных науках ученые работают с объектами, вмешивающимися в их собственное поведение. Объекты социологического изучения постоянно и часто намеренно вызывают у нас какие-то эмоции, мысли, поступки. Специфика социологии в том, что мы не свободны в своем поиске. Это как если бы биологи проводили опыты на мышках, а те определяли: кому какую зарплату платить и кто работает хорошо, а кто плохо.

Освободиться от институциональной ситуации нельзя. Во-первых, никто не может избавиться от прошлого, во-вторых, наука сама по себе — социальный институт. Поэтому социолог должен видеть ролевые стороны своего поведения и сознания, чтобы поставить вопрос о том, как общество влияет на результаты исследования.

Итак, социология — наука, изучающая социальные программы. К этому добавляется то, что такое изучение будет сомнительным, если мы не сможем обнаружить эти программы в собственном сознании и поведении.

Диагностика чужих программ

Как отличить чужую программу от своей? Начну с банальной для профессионального социолога идеи. Есть проблема? Больше социологии! Социологическая методология позволяет отличить социальные идеи от личных. Вам кажется, что вы сами выбираете цвет своих брюк? Не обольщайтесь. Маркетинговое исследование покажет, что существует общественные установки, и что совпадение потребительских выборов не может быть случайным стечением обстоятельств.

Рецепт первый: изучайте методiku и технику социологических исследований. Хорошее социологическое исследование позволяет не только что-то измерить, но и рассчитать насколько вероятно, что результат исследования социально предопределен.

Социологические исследования дают ответы на многие вопросы, но они не говорят, о чем следует спросить. Как распознать программу, которая замаскировалась? Неосознанные программы выдают свое существование через метафоры, ошибки, отсутствие логики, использование символов и т.д. и т.п. **Рецепт второй: будьте внимательны к абсурду и нонсенсу.** Если человек заявляет, что носит фотографию мужа в сумочке, потому что он самый близкий человек (что обычно означает: тот, кого я могу видеть каждый день помногу часов) есть повод задать вопрос. Техники работы со странными высказываниями предлагает семантика. Ознакомьтесь с этой наукой, хотя бы в общих чертах. Это повысит вашу чувствительность.

Рецепт третий: не бойтесь применять психологические методики. Социальные программы лучше выживают, если становятся невидимыми, и обращение к анализу неосознанных обстоятельств иногда просто неизбежно. Социология может показать, что существуют неосознанные программы. Но что делают эти программы, бывает легче установить методами психологии. Пример удачного исследования приведен у Ноэль-Нойман⁶. Программа заставляла домохозяек покупать зерновой кофе вместо молотого. Домохозяйки приписывали свой выбор рациональному мотиву, предпочтению более вкусного продукта. На самом деле они стремились к статусу хорошей домохозяйки, а вкус продукта был ни при чем.

Все ли можно диагностировать на уровне индивидуального сознания или восприятия? Нет. К.Леви-Стросс обнаружил нечто, что он назвал «формами нулевого типа». Это социальные формы, которые не несут никаких предписаний для людей. Как следствие — они не очевидны. Но их существование делает возможными другие формы.

Эти установления не обладают никакими особыми им присущими качествами, они лишь создают предварительные условия, необходимые для существования социальной системы, к которой они относятся, хотя сами по себе они лишены значения; только их наличие позволяет этой системе выступать как некое целостное единство. Таким образом, здесь социологи встречаются с важной проблемой, общей у социологии с лингвистикой, но, по-видимому, не осознанной социологией в пределах своей собственной сферы. Эта проблема состоит в существовании установлений, не имеющих другой функции, кроме той, что они придают смысл обществу, которому они принадлежат⁷.

Существование таких форм — лучшее доказательство объективности общества. Путь к выявлению форм, задающих другие формы (структурирующих структур, как мог бы сказать Бурдьё) — поиск параллелей и закономерностей. **Рецепт четвертый: ищите параллели, не запрещайте себе сопоставлять несопоставимое.** Действительно, некоторые вещи не стоит сравнивать между собой. Но чтобы это выяснить, нужно сначала сравнить их.

Профессиональные качества социолога

Общество постоянно подсказывает нам, какие результаты следует считать правильными, как и что следует делать. Чтобы не ошибиться, эти подсказки желательно игнорировать. Поэтому умение противостоять обществу — профессиональное качество социолога. Не потому что он хочет разрушить или изменить, а потому, что общество мешает ему исследовать. Говоря словами П.Бергера, «корни изобличительного мотива в социологии имеют не психологическую, а методологическую природу».

6 Э.Ноэль. Массовые опросы: введение в методику демокопии. М.: Авва-Экстра, 1993. СС. 223-224.

7 Леви-Стросс. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. СС. 165, 166.

Как можно противостоять институтам? Институт можно попытаться разрушить или изменить, институт можно игнорировать, институт можно обмануть.

Идея *разрушения или изменения институтов* для социолога не может быть симпатичной. Если изучая институт, вы трансформировали или разрушили его — ваша работа пропала. Полученное знание нельзя использовать, оно практически ничемно, а вы превратились в историка, изучающего то, чего не существует. Хуже не придумаешь, разве что вообще ничего не изучать. Идея избавиться от влияния институтов путем их разрушения антисоциологична. Лично мне нравится только радикальный вариант — разрушить все институты сразу и положить конец обществу и социологии. Только я пока не знаю, как это сделать.

Борьба с общественными институтами часто оказывается обманом, поскольку лежащие в основе «формы нулевого типа» вообще не овеществляются. Трудно бороться с тем, что нигде и везде одновременно. Человек, заявляющий, что правительство плохое, тем самым настаивает, что правительство может быть хорошим. И укрепляет институт. Это ловушка общества, известная как «уловка 22»:

«Уловка двадцать два» разъясняла, что забота о себе самом перед лицом прямой и непосредственной опасности является проявлением здравого смысла. Орр был сумасшедшим, и его можно было освободить от полетов. Единственное, что он должен был для этого сделать, — попросить. Но как только он попросит, его тут же перестанут считать сумасшедшим и заставят снова летать на задания. Орр сумасшедший, раз он продолжает летать. Он был бы нормальным, если бы захотел перестать летать; но если он нормален, он обязан летать. Если он летает, значит, он сумасшедший и, следовательно, летать не должен; но если он не хочет летать, — значит, он здоров и летать обязан⁸.

Можно победить исполнителей, но институт только укрепится. Поэтому яростная борьба за свободу приводит к деспотизму, за трезвость — к разгулу преступности и алкоголизма, а религией — установлению религиозного диктата. Бороться иногда нужно, но социология рекомендует делать это вяло и без энтузиазма.

Игнорирование института. Если вы социолог, вы уже поставили под сомнение все институты и ваши личные ролевые действия. Вы удивляетесь: и как это можно ходить на работу? отчитываться по гранту, это еще за чем? выступать на семинаре? прошлый раз выступали, и что? И так далее. Но это только осознанная верхушка айсберга. Легко понять, нужно ли вам слушать докладчика или ваше присутствие носит ритуальный характер. Такая простота скорее исключение. Мы знаем, институциональные программы ловко маскируются. То, что вы хотите, не всегда то, что вам нужно.

Социолог вынужден постоянно заниматься самокопанием. Возможно, это самая рефлексующая профессия. Его задача: отделить сенсорную информацию от своих суждений. Вопросы, которые задаются:

- как мне пришло в голову это решение?
- не подцепил ли я его в телевизоре, газете, рекламе?
- не замешаны ли обстоятельства связанные с биологией: сексом, выживанием, питанием?
- не влияют ли на мои решения соображения престижа?
- влияют ли на меня абстрактные соображения или конкретная ситуация?

Вопросы к себе и другим входят в привычку и становятся второй натурой. Если есть подозрения, что на твои решения повлияли социальные или природные обстоятельства, они ставятся под сомнение и пересматриваются. Цель такого пересмотра — попытаться отличить то, что тебе известно, от того, что тебе предписывается.

Социолог иногда выглядит нерешительным, ему не ясно то, что всем очевидно. Иногда циничным, его не интересует то, что интересует многих. Это внешние проявления привычки не доверять самому себе.

8 Дж. Хеллер. Уловка 22. //http://lib.ru/INPROZ/HELLER/catch22.txt

Если вы поняли, что какое-то решение программируется социальным институтом, вы получаете возможность рационально отказаться от него. Вот пример такого отказа. Социум стремился заставить нобелевского лауреата по физике Р.Фейнмана занять административную должность:

Примерно месяц спустя я был на каком-то собрании, где ко мне подошла Леона Маршалл и сказала: "Забавно, что ты не принял наше предложение перейти в Чикагский университет. Мы были ужасно разочарованы и не могли понять, как ты мог отказаться от такого потрясающего предложения".

- Это было совсем несложно, — сказал я, — я просто не позволил, чтобы мне сказали, в чем состоит предложение.

Неделю спустя я получил от нее письмо. Я вскрыл его и прочитал первое предложение: "Тебе предлагали зарплату в...", — сумма была огромная, в три или четыре раза превышающая мою тогдашнюю зарплату. Я был ошеломлен! Дальше было написано: "Я первым делом написала тебе о зарплате. Может быть, теперь ты передумал, потому что мне сказали, что это место все еще свободно, и нам бы очень хотелось, чтобы его занял ты".

Я написал им следующий ответ: "Узнав размер зарплаты, я решил, что просто должен отказаться. Причина же состоит в том, что с такой зарплатой я мог бы сделать то, что всегда хотел сделать: завести прекрасную возлюбленную, поселить ее в шикарной квартире, покупать ей красивые вещи... С зарплатой, которую мне предлагаете вы, я на самом деле смогу это сделать, и я знаю, чем это закончится. Я буду переживать из-за нее, буду думать, чем она занимается; придя домой, я буду спорить и ссориться с ней и т.п. Все эти хлопоты принесут мне только дискомфорт и несчастье. Я не смогу заниматься физикой в полной мере, и вся моя жизнь превратится в совершенный хаос! Так что то, что мне всегда хотелось сделать, не принесет мне ничего кроме неприятностей, а потому я решил, что не могу принять ваше предложение"⁹.

В этом отрывке мы видим две техники: не принимать определенного рода информацию и рационально взвешивать выигрыши и потери. Первый способ предполагает, что следует уклоняться от разговоров, заманивающих в институциональные ловушки. Это разговоры о деньгах (как у Р.Фейнмана), званиях, должностях и т.д. Иногда нам не удается избежать этих бесед. Иногда мы участвуем в них по профессиональным соображениям. Тогда вступает в ход рациональная оценка. Институт хочет забрать наше время. Спрашивается, компенсирует ли эту потерю то, что он предоставит нам взамен? Например, мы можем заткнуть нитье супруги деньгами института и сохранить душевное спокойствие, чтобы эффективнее делать свои дела. Это хорошая сделка. Но всегда надо помнить, что институты объединены в согласованную систему. И семья, требуя денег, и работа, давая деньги, могут раскрутить вас так, что все ваше время будет отдано работе на общество. Может лучше уйти в сторону, и пусть сами решают свои проблемы? Такая альтернатива существует всегда.

Социологи не борются, социологи уходят. Исключение — изучение социального контроля путем провоцирования института (экспериментальный метод). Поэтому нам не нужны мужество и стойкость, достаточно наблюдательности и проницательности. Как-то в газете я прочитал, что в Калифорнии социологи измеряли связь стабильности брака и профессии. Наименее стабильными оказались браки у архитекторов, социологи были на втором месте. Уходят.

Вообще-то, искусство игнорировать общество известно с давних пор, а техники подробно разработаны аскетическими учениями. Стоицизм, даосизм, буддизм, францисканство... У социологов и аскетов есть принципиальное отличие. Мы не боремся с обществом, мы не избегаем общества, мы не игнорируем общество, мы его изучаем. Физик может позволить

себе не думать о деньгах, а мы нет. Поскольку деньги связаны с поведением. Это сужает возможности по игнорированию. Социолог не может уйти в монастырь (если только он не делает исследование по социологии религии) или улизнуть в свой пуп. Остается рассуждать и анализировать.

Что сделает институт с вами, если игнорировать его существование? Вас могут оставить в покое, но иногда придется притворяться. Все знают простой прием: согласиться и отойти в сторону. Тщательно обсуждаем план работы кафедры на следующий год, вносим полезные предложения, даже остаемся, чтобы обсудить кое-что отдельно с заведующим. И ничего не делаем. Институт получает сигнал, подтверждающий, что все в порядке. Этот сигнал действует на структуры, которые не осознаются людьми, поэтому он не меняет их собственного поведения, но влияет на ролевое. Все успокоится, если только институциональные цели не осознаны вашими коллегами как личные. Такое тайквандо получается.

Личные качества социолога

Социолог рассматривает социальные ограничения как условные, в то время как окружающие рассматривают их как естественные. Получается, что социолог живет за пределами обычного мира. Там где обычный человек скажет: «я не могу этого сделать», социолог подумает: «почему нет, мы же исследователи». Социолог может показаться авантюристом. Известно, что идея «ничего нельзя сделать» — защитный механизм общества. Поэтому он склонен пытаться.

Социологический взгляд на общество дает вам убеждение, что мир не так страшен, как хочет казаться. А значит, мы все имеем право на праздник. Социальные институты можно игнорировать, обманывать и даже использовать. Так делают все, но только у нас это получается сознательно и с чистой совестью.

Сфера принуждения сужается (пить и есть все равно надо) и замещается деятельностью, основанной на собственных решениях, а не на ролевых ожиданиях. Со стороны такая деятельность выглядит как лишенная оснований. Действительно, если поведение не основано на социально разделяемых ролевых убеждениях, то сторонний человек не может его предсказать. Ему кажется, что оно спонтанно. Все что невозможно предсказать называется свободным. Социология требует от социолога быть свободным. Хорошие социологи со стороны выглядят свободными, людьми, которые делают только то, что хотят. Подчеркну, что речь идет о стороннем взгляде. Это не значит, что хороший социолог не планирует своё поведение и не способен сказать, чем он будет заниматься. На самом деле социолог делает не то, что он хочет, а то, что ему нужно. Единственная свобода здесь — возможность отключать чужие программы и использовать мозги в собственных интересах.

Социолог выглядит беззаботным. Прежде чем спросить «каково мое место в классовой борьбе?» социолог задал вопрос «в чем смысл этого вопроса?». И выяснил, что это не его вопрос. Его задает общество. Вопрос закрытый, он содержит перечень вариантов ответов. Мы не обязаны отвечать. Социологический ответ — отказ от ответа. Мы не будем работать против себя. Мы не будем загружать свои мозги чужими проблемами. Мы свободны в выборе смысла. Мы сами формулируем его, а не выискиваем по спискам.

Социолог отличается искренностью. Потребность в близости есть у всех людей, и как я уже отмечал, социологи тоже люди. Поскольку социолог избавлен от привязанности к мифам, он нуждается в реальных привязанностях. Утверждение: «он любит не меня, а мои миллионы» не относится к хорошим социологам. Социолог может быть одинок до чрезвычайности, ведь без институциональной мишуры люди не столь уж привлекательны. Может раздражать, потому что не хочет участвовать в ролевых играх, а пытается установить реальный контакт, минуя условности. Но в конце концов, он гораздо лучше обычных людей, потому что делает конкретные вещи, а не разыгрывает абстрактные сце-

9 Ричард Ф.Фейнман. Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман! // http://lib.ru/ANEKDOTY/FEINMAN/feinman.txt_with-big-pictures.html.

нарии. Он делает то, что нужно, а не то, что ожидается. Он не скажет вам: я не буду иметь с вами дело, потому что мой отец, умерший 15 лет назад, поступил бы именно так. Социолог знает, что если бы отец был жив, его мнением вообще бы не поинтересовались.

Надо ли говорить, что социологи асоциальны. Весь этот текст про то, что общество целесообразно по отношению к себе, но не к людям. Конечно, социология не обязывает принимать сторону людей, но мы склонны к этому потому, что сами люди.

Социология и общественные перемены

Я высказался на Российско-финской конференции против гендерной пропаганды. Аргументировав это в духе веберовской «свободы от ценностей». Социолог из Европейского Университета А.Темкина в ответ сказала, что ничего не менять — ложный идеал, поскольку в результате нашей работы перемены все равно происходят. Если мы будем осознано способствовать этим переменам, то мы просто лучше выполним свою работу. Ничего не менять все равно невозможно.

Я настаиваю на противоположности социологического и мифологического взглядов. Мифологический взгляд основывает деятельность человека на ментальных проектах, которые не подвергаются сомнению. Это характеристика невротика. Невротик может попытаться установить отношения с проектами, в которые он верит, будь то злые духи или патриархат, и изменить себя. Он может также попытаться научить всех верить в то, во что верит сам и думать, что он изменяет мир. Ученый изучает, что и как происходит. Нельзя установить личных отношений с вирусами или измеряемыми переменными. Знания отличаются от пропаганды тем, что

не создают личного отношения к объектам изучения. Как-то странно **верить** в последовательность операций измерения и валидизацию этого измерения. Мы только записываем, что мы делали и что получили. Ученые ищут причины, а в основе страсти к переменам лежит убеждение (миф) о беспричинности, неоправданности чего-то, что следует исправить. Представление о причинности охлаждает стремление реформировать систему. Наука — противоположность мифу, поэтому социолог как реформатор бездействен. Это другая работа, требующая иных профессиональных качеств.

Если бы все люди стали хорошими социологами, то произошло бы полное освобождение от социальных институтов и замена ролевого поведения сознательным. Этот сценарий предложил К. Мангейм: освобождение от диктата ложного сознания через науку¹⁰. Возможно кого-то вдохновит идея социологической революции как освобождения от социальных ролей. Для меня эта идея подозрительно институциональна. Я не сомневаюсь, что общество может быть уничтожено путем его изучения. Но, для успеха изучения, это должно оставаться побочным следствием, а не целью социологии.

Послесловие редактора.

Предложенная вниманию читателей статья очень спорная и я бы даже сказал — нахальная. Уничтожение социальных институтов и общества как задача (или как побочный результат деятельности) социолога — идея вполне абсурдная, но абсурдные идеи иногда полезны, они могут стимулировать воображение. Тем более что молодости свойственно стремиться к дерзости и эпатажу и это нормально. Исходя из этих соображений и было принято решение о публикации этого текста.

10 К. Мангейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.